

Труд за землю русскую. Почему Николай II был великим правителем

Труд за землю русскую. Почему Николай II был великим правителем

100 лет назад в подвале Ипатьевского дома была зверски убита царская семья — государь Николай Александрович, императрица, их дети и слуги. «Иже много тружася за всю землю русскую, живот свой полагая за православное христьянство» — в таких словах выразил древний летописец почитание святого благоверного Александра Невского, одного из образцовых святых русских государей. Сочетание труда на благо Отечества, жертвенности и заботы о православном христианстве — этой формулой можно поверять святость русских государей. И место царя-мученика Николая II в этом ряду окажется чрезвычайно почетным.

Царь и клевета

Спору нет, для того, чтобы осознать это, придется год за годом, десятилетие за десятилетием очищать имя государя от тонн наваленной на него грязи. Искаженный исторический образ Николая II стал совокупным результатом четвертьвековой «гражданской войны», которую вела против императора «прогрессивная интеллигенция» при его жизни, и столетней клеветы, которой занималась позже коммунистическая власть и её последователи. Одним необходимо было добиться свержения императора, другим — оправдать свою революцию, свой режим, представив «Великий Октябрь» как естественный результат всей русской истории если не с неандертальцев, то уж точно с Рюрика.

Характерно, что эти клеветы фундаментально логически противоречили друг другу. В одном случае революция представляла как исторически неизбежный итог объективных исторических законов, в другой — как результат «слабости и бездарности» императора. Одни распространяли ложь про «Николая кровавого», другие про «царя-тряпку». Зачастую обе лжи без всякого напряжения уживаются в одном и том же мозгу, и вот уже собеседник, только что рассказывавший, как царь «довел страну до взрыва», обрушивается на него с упреками, что он «испугался и отрекся, погрузив страну в революцию», а затем с той же самоуверенностью повествует, что «только свержение самодержавия открыло России путь к прогрессу». Сама абсурдная противоречивость обвинений вскрывает, что в случае с ненавистью к Николаю II мы имеем дело не с обычной человеческой пристрастностью, не с расхождением мнений, а с духовной болезнью — ненавистью лукавого ко святым.

Нравственное преодоление этого искушения, отказ от установленной в наше сознание, порой с младенчества, двойной прогрессистски-коммунистической клеветы позволяет открыть для себя в императоре Николае II не только святого страстотерпца, принявшего муку за Христа от богоборцев, не только замечательного человека и семьянина (что зачастую признают даже недоброжелатели), но и выдающегося государственного деятеля, чьи усилия преопределили вектор развития России не только в его царствование, но и на долгое время после него. Оставленное царем наследие обеспечило России стратегические преимущества, сказывавшиеся еще долго после крушения русской монархии и не вполне исчерпанные и по сей день.

Императорский «помгол»

Первая важнейшая заслуга императора как правителя и христианина — он полностью покончил с нависавшим над Россией призраком голода. Мировые циклические аграрные кризисы, рост сельского населения страны и изменение географии его распределения привели

к трагическим последствиям в результате недорода 1891 года. Голод в Российской империи не имел, конечно, характера большевистских голодоморов 1920–1921, 1932–1933 и 1946 годов — мало кто умирал непосредственно от отсутствия пищи, однако ослабленные недоеданием крестьяне становились жертвами эпидемий, прежде всего — холеры.

Не имевшая возможности при Александре III прямо бороться с правительством на политическом поле, прогрессивная общественность нашла себя на ниве гуманитарной политики. Шумная «борьба с голодом» стала способом указать на непригодность существующей государственной системы, в народ вбрасывалась провокационная формула «царь-голод». Правительство обвиняли в том, что его политика массированного экспорта зерновых обрекает на голод деревню — экспорт под давлением этой критики был снижен, и это привело к утрате Россией выгодных зерновых рынков, а значит... к потере заработка крестьянами в следующие годы.

Большую и бестолковую активность на ниве помощи голодающим развернули земства — их суета привела к тому, что цены на продовольствие пошли вверх, и денег на еду стало не хватать уже и тем мужикам, которые ранее от недорода не пострадали, а перевозки хлеба на вспомоществование закупили железные дороги.

На этом фоне выгодно отличалась система «официозной» благотворительности, которую возглавлял Особый комитет во главе с наследником цесаревичем Николаем Александровичем. Он сосредоточился на корректировке долгосрочных последствий недорода — предотвращении эпидемий, прокорме крестьянской скотины (нехватка продовольствия вызвала массовый убой скота, больно отозвавшийся на экономике России в следующие годы), обеспечении безлошадных крестьян тягловой силой, предоставлении семян. Уже в этой работе сказалась важная черта всего государственного облика Николая Александровича — поиск долгосрочных стратегических решений, способность не гнаться за сиюминутной популярностью, а найти постоянное решение вопроса.

Возглавив страну, Николай II приступил к работе по решительному искоренению голода. С одной стороны, крестьянам были списаны «голодные» зерновые и денежные ссуды. Император поставил перед исполнительной властью вопрос о «чрезмерном напряжении платежных сил населения». С другой — было развернуто массированное строительство железных дорог, позволявшее производить маневр хлебных ресурсов по всей стране. Намечена была долгосрочная политика по освобождению финансов империи от зависимости от хлебного экспорта.

Первой проверкой новой системы противодействия голоду стал неурожай 1901 года. Созданная государственная система сработала настолько эффективно, что, выделив 32 миллиона рублей, правительство полностью сняло проблему недорода. Когда в 1902 году крестьяне Полтавской и Харьковской губерний, несмотря на правительственную помощь, начали громить хлебные магазины, мотивируя тем, что голодны, император действовал совсем не так, как действовал в тех же местах 30 лет спустя Иосиф Джугашвили, — началось массированное списание крестьянских недоимок казначейству, достигшее 25 миллионов рублей.

В значительно более сложной обстановке проходила борьба с недородом в 1905–1907 годах. Взбунтованные эсерами крестьяне громили хлебные магазины, сжигали помещичьи усадьбы, тем самым лишая одной из опор систему благотворительности, да и самих себя лишая возможности подработать наемным трудом при недороде. Общинные и земские хлебные запасы во многих местах были разворованы (не царем и не чиновниками, разумеется, не имевшими к ним доступа). Когда правительство закупило на 77 миллионов рублей 75 миллионов пудов хлеба, революционеры начали железнодорожную забастовку, для того чтобы

«сатрапам» не удалось его перевезти. В стране провоцировался голодный бунт на фоне массовой смертности.

Без учета этого обстоятельства — на кону стояли миллионы человеческих жизней — невозможно понять ни «уступчивости» императора, поступившегося частью самодержавных полномочий при даровании манифеста 17 октября, ни жесткости при подавлении мятежа радикальных элементов в Москве и на Транссибе. Сочетание уступок и твердой руки позволили благополучно завершить спасательную операцию. Но и в следующие годы антигосударственные силы пытались использовать голод прежде всего как инструмент свержения самодержавия. «Народолюбцы» в Думе тормозили ассигнования на продовольственную поддержку, земская благотворительность в деревне превратилась в открытый рассадник революционной пропаганды.

МВД, возглавляемое П. А. Столыпиным, исключительно успешно справилось с прокормлением недоедающих и с предотвращением перерастания недорода в голод. Однако императором было принято твердое решение — впредь помощь голодающим должна осуществляться правительственными и аккредитованными структурами: «Красным крестом». Столыпинские аграрные реформы и переселенческая политика призваны были разрешить аграрный кризис.

Заключительным испытанием царского «помгола» стал недород 1911 года. Профилактические правительственные мероприятия носили беспрецедентный характер — 170 миллионов рублей было выделено на продовольственную помощь, широкий характер приняли общественные работы, на которые было ассигновано 42 миллиона рублей. В народных школах детям было выделено 25 миллионов обедов. К этому моменту серьезно сократили экспорт зерна, а при недороде страна прибегала к импорту — развитие промышленности давало бюджету другие источники экспортных доходов. Ни о каких «голодных смертях», о которых рассказывает и по сей день антимонархическая пропаганда, не приводя, впрочем, никаких документально подтверждаемых цифр, речь не шла и идти не могла.

1911 год должен был стать последним годом, когда слово «голод» могло прозвучать на просторах Российской империи хотя бы в виде опасения перед последствиями недорода. Последние шесть лет правления Николая II аграрное развитие России стояло на столь высоком уровне, что даже во время Великой войны нормой жизни империи было продовольственное изобилие. Представить себе «государство рабочих и крестьян», в котором прямая смерть от голода унесет жизни более 10 миллионов человек, а искусственная бедность станет постоянным фоном жизни нескольких поколений, никто просто не был в состоянии.

К сожалению, после мученической смерти помочь своему голодающему народу император уже ничем не мог, так как выстраивавшаяся им при помощи Столыпина аграрная система была полностью уничтожена социализацией земли, а затем коллективизацией. Однако на многих других направлениях царское наследство пережило императора надолго.

Николай II — победитель

Трудно переоценить вклад императорского наследия в победу в Великой Отечественной войне (которая, впрочем, вряд ли вообще бы началась, если бы царю дали довоевать «Вторую Отечественную»). Крупнейшие транспортные проекты николаевской эпохи — Транссиб и Мурманская железная дорога — стали основой стратегической безопасности России. Не будь Транссиба, построенного «царизмом» за счет труда и капитала, без человеческих жертвоприношений, подобных Беломорканалу, не был бы возможен спасший Москву маневр сибирскими дивизиями в 1941-м. Героини «А зори здесь тихие» пали смертью храбрых, защищая Мурманскую дорогу, по которой шли эшелоны с наиважнейшим стратегическим

сырьем от союзников, — именно с этой целью император так настаивал на ускорении её строительства в годы Первой мировой, и она была завершена незадолго до его предательского свержения.

Оборону города на Неве и Севастополя держали царские форты — Красная Горка, 30-я и 35-я батареи — и царские же линкоры. Артиллерия стремительно восстановленного усилиями царя, Столыпина и адмирала И.К. Григоровича русского флота очертила как бы запретный круг вокруг обороняемых городов. Заметим, кстати, что похвалявшимся якобы превзошедшей отсталый царизм индустриализацией большевикам ни одного линкора достроить так и не удалось, хотя Сталин о них мечтал.

Разговоры о «технической отсталости» царской России вообще вызывают чувство стыда за тех, кто ею аргументирует свои симпатии к свержению императора и к революции. Россия Николая II — это страна линкоров подводных лодок, мощнейших самолетов, автомобилей, радиосвязи, арктических ледоколов («Ермак» вступил в строй в 1898 году).

Обидно даже не то, что советская власть не признавала, что в своем «прорыве в будущее» практически во всем зависит от царских достижений, а то, что далеко не всеми достижениями новый строй сумел воспользоваться из-за изгнания лучших инженерных умов и пренебрежения их идеями. Монархист, ревнитель памяти императора Николая II и яркий православный богослов Игорь Иванович Сикорский вынужден был конструировать вертолеты для США (при этом укомплектовав свою компанию почти исключительно русскими и православными). Вычисленная еще в 1916 году Александром Шаргеем, студентом основанного Николаем II Петроградского Политеха, «петля Кондратюка» привела на Луну американских астронавтов, а вот наших не смогла. Во-первых, царский офицер Шаргей вынужден был скрываться под фамилией Кондратюк, что, впрочем, не избавило его от арестов и репрессий, а его наследие помнили лишь единицы, как С. П. Королев. А во-вторых, сам Королев, ученик Фридриха Цандера, опубликовавшего первые работы по освоению космического пространства еще при царе, умер до срока из-за травм, причиненных ему следователями НКВД: сломанная челюсть помешала ввести дыхательную трубку в трахею при операции. Смерть генерального конструктора сорвала советскую лунную программу.

Представить себе подобное отношение к конструкторам и ученым при императоре Николае II просто невозможно. Да и вообще кличка «Кровавый» понадобилась революционерам прежде всего для того, чтобы отвести глаза от своих преступлений. За период, когда правительству надо было отвечать на террор, развязанный революционерами, по приговорам военно-полевых судов был казнен 2981 человек. Это меньше, чем в СССР казнили в день в 1937-1938 годах. По числу казненных на душу населения борющаяся с терроризмом царская Россия уступала... совершенно мирным Соединенным Штатам Америки. Николай II осматривает четырехмоторный аэроплан «Русский витязь» И.И. Сикорского. Лето 1913 года

Николай II осматривает четырехмоторный аэроплан «Русский витязь» И.И. Сикорского. Лето 1913 года

Точка консолидации

Правда состояла в том, что император Николай II был гуманным, чуждым всякой жестокости, заботливым о судьбах людских человеком не только в частной жизни, но и как политик и государь. Можно вспомнить и его инициативу по всеобщему разоружению, приведшую к заключению Гаагских конвенций о законах войны, серьезно гуманизовавших военное право (и именно это позволяет нам считать нарушителей конвенций, гитлеровцев например, международными преступниками).

Можно вспомнить, как государь в 1912 году лично на себе испытывал солдатскую военную форму, в результате чего Россия вступила в Первую мировую войну с самой удобной и практичной формой из всех воюющих сторон. Введен был защитный цвет (немцы до своего «фельдграу» додумались только во время войны), немислимы были ни французские красные шаровары, ни немецкие рогатые шлемы, ни другие демаскирующие элементы. Эта выверенная государем форма спасла в боях тысячи и тысячи жизней русских солдат.

«Но что в этом толку, — скажут, — если царь ввязал Россию в бесполезную войну и её проиграл». И снова перед нами ложь. Мир балансировал на грани войны с начала XX века. Столкновение Германии и франко-русского союза было неизбежным, что бы там ни твердили параисторики. Однако государь всеми силами старался предотвратить конфликт, используя, в частности, династическую дипломатию. Но германский кайзер Вильгельм оказался безнадёжен. Зато государю успешно удалось содействовать привлечению к франко-русскому союзу Британии, что обрекало Германию на неизбежное поражение. А вступление в войну ради защиты православной Сербии серьезно поднимало дух нации, по сравнению с вероятной войной из-за какой-нибудь африканской колонии, которая могла начаться через год-другой. В начале и дважды в ходе войны государь своим вмешательством и давлением на союзников спасал сербский народ, и тот неслучайно чтит его как святого заступника.

Ни о каком «проигрыше» Россией Первой мировой войны говорить не приходится. На момент предательского свержения императора русская армия стояла на территории двух из трех граничивших с нею враждебных держав. Никакие даже самые неудачные операции, как «самсоновская катастрофа», не могли и близко сравниться со стратегическими и человеческими потерями киевского котла 1941 года, возникшего тоже в результате неудачных действий верховной власти. Даже в теории не могла идти речь об угрозе Москве или Петрограду, подобной той, что возникнет четверть века спустя. Россия не обороняла Севастополь, а готовилась к занятию Константинополя.

Даже после падения императорской власти Временное правительство, пусть и с трудом, но держало фронт и вполне могло дожидаться стратегически predetermined военного краха Германии. «Поражение России в Первой мировой» — полностью продукт деятельности правительства большевиков, ликвидировавшего армию и подписавшего капитуляцию, именуемую «Брестским миром». Без всякого военного поражения Россия откатилась в границы XVI века. И за ложью о мнимом царском поражении скрывается эта действительная измена.

Одной из причин цареубийства было опасение ленинской диктатуры и её внешних заказчиков, что император может быть освобожден и призван для того, чтобы вновь возглавить военные усилия России в войне. Неслучайно расправа была совершена вскоре после так называемого левоэсеровского мятежа 6 июля 1918 года, когда была предпринята попытка вывести Советскую Россию из германского порабощения. Есть все основания полагать, что государь был убит не только за своё прежнее положение в государстве, не только как символ христианского царства, но и как фигура, которая могла стать точкой патриотической консолидации и возрождения России и русского народа. Целя в царя — целили в Россию, её суверенитет, независимость и целостность, которые летом 1918 года еще не поздно было вернуть.

От первой и до последней минуты, равно как и в молитвенном предстоянии в вечности, подвиг императора Николая II был трудом за Русскую землю.

Егор Холмогоров

Источник: [Вода Живая](#)